

WORLD CLASSICS BOOKS

СЕРГЕЙ
МИНЦЛОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СТУДЕНТОВ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М62

Минцлов, С.

М62 Приключения студентов / С. Минцлов. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 410 с. — (World Classics Books).

ISBN 978-5-521-76707-6

История развития литературы — понятие куда более обширное, чем можно предположить, и куда более сложное, чем может вообразить студент-первокурсник филологического факультета. Неизменно всякий выбор «лучших книг» и «обязательных к прочтению» писателей сопровождается беспощадным отсечением жемчужин мысли от одобренной нормы и «золотого стандарта». За бортом остается множество гениев, признанных и непризнанных, и шедевров мировой литературы. Книги серии «World Classics Books» — попытка расширить устоявшееся в умах понятие классических книг и обязательных для образованного человека авторов, предложив читателю произведения, о которых он либо совсем не слышал, либо знаком очень издавна. Однако представленные в серии труды — в некотором роде веховые этапы на сложном пути развития мировой литературы, без которых трудно составить представления о различных жанрах, литературных школах и целых эпохах развития мировой культуры.

На обложке представлена репродукция картины Леонида Пастернака «Ночь накануне экзамена», 1895, музей Дорсе, Франция.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-76707-6

© Т8 RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Содержание

Предисловие	5
Глава I	6
Глава II	19
Глава III	23
Глава IV	30
Глава V	38
Глава VI	40
Глава VII	48
Глава VIII	56
Глава IX	64
Глава X	77
Глава XI	85
Глава XII	96
Глава XIII	103
Глава XIV	112
Глава XV	127
Глава XVI	137
Глава XVII	152
Глава XVIII	160
Глава XIX	171

Глава XX	182
Глава XXI	194
Глава XXII	209
Глава XXIII	226
Глава XXIV	234
Глава XXV	247
Глава XXVI	253
Глава XXVII	263
Глава XXVIII	277
Глава XXIX	294
Глава XXX	305
Глава XXXI	319
Глава XXXII	334
Глава XXXIII	353
Глава XXXIV	363
Глава XXXV	376
Глава XXXVI	401

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель настоящей книги — воскресить перед глазами читателей быт — и только быт — далеких от нас и полных глубокого интереса десятого и одиннадцатого веков по Р. Х.

Люди этих времен были охвачены страстью к передвижениям и героями своего романа я избрал — как всегда — незамеченных историей обывателей.

Выдумки, а тем паче преувеличений, в моем романе нет и я наоборот — ради соблюдения верной исторической перспективы и по чисто этическим и религиозным соображениям, многое преуменьшаю.

Но что было — то было: из спетой песни слова не выкинешь!

С. Р. Минцлов.

ГЛАВА I

*Звезды ясные, звезды прекрасные Нашеп-
тали цветам сказки чудные; Лепестки
улыбнулись атласные, Задрожали листы
изумрудные.*

*И цветы, опьяненные росами, Рассказали
ветрам сказки нежные И распели их ветры
мятежные Над землей, над волной, над
утесами.*

*И теперь, в эти дни многотрудные,
В эти темные ночи ненастные,
Отдаю я вам, звезды прекрасные Ваши
сказки задумчиво чудные...*

К. Фофанов.

Шумит в глубоком провалье горная речка, а где — не
видать из-за камней и вершин деревьев; всюду зеленая
гуща дубов да елей; что башни встают из нее бурые
и красные скалы.

Куда ни глянь — горы, да лес, да небо. Не в примету ни деревни, ни замка. Только на восход солнца, на длинном мысу отвесного уступа, будто чудом взлетевшие на неизмеримую высоту, белеют зубчатые стены и церковь небольшого монастыря; за ним опять пропасть; из стены ее глядят черные впадины семи пещер. С седловины горы, из того места, где к вечеру притыкаются на ночлег облака, стосаженною, снежной полосой клубится и рушится водопад; ниже утесы рассекают его надвое и будто громадный серебряный венец раскидывается по отвесам скал над монастырем по ту сторону бездны.

День жаркий.

Трапеза отошла, монахи разбрелись по кельям; узкий передний двор пустынен. У запертых, обитых толстым железом ворот, на известковой плите, положенной на камни, сладко спит на солнцепеке седобородый привратник в грубой, серой рясе, подпоясанный веревкой; на голове чернеет ермолка, лицо потно и блаженно, рот полуоткрыт, мухи разгуливают по тупому, обветрившемуся носу.

Под лавкой, в тени, раскинулся и похрапывает черный, что ворон, кудлатый пес с пушистым хвостом, полным репейников.

Только одно человеческое существо бодрствует во всем видимом мире — белокурый, статный послушник лет двадцати, стоящий у обрыва; стена с той стороны изгибается по самому краю пропасти и лишь по пояс человеку.

Облокотился юноша на зубец, глаза в даль смотрят, брови сдвинуты, он охвачен думой. Позади узенький садик, обнесенный белой колоннадой крытой галереи; низы ее пылают в ярком огне: то алые полосы маков.

Чудной сон привиделся ночью послушнику!

Будто стоит он на неведомой площадке под звездным небом и вдруг во тьме засветлело пятно. Оно все прояснялось... в синей дымке обрисовался ангел с чуть блиставшими крыльями; будто лунный луч, неслышно встал он рядом и, улыбаясь, протянул светящиеся прозрачные руки. Послушник — совсем маленький, кудрявый мальчик — очутился у плеча его.

Быстро взвились они вверх; вниз, в черноте, слышался шум реки.

— Зачем ты взял меня?.. — спросил послушник.

— Ты же умер!.. — ответил ангел, — я несу твою душу!..

Сердце послушника сжалось от тоски по невысказанному и невыполненному.

— Зачем же я жил?!.. — воскликнул он.

— Узнаешь!.. — прошепстало слово; ангел взмывал все выше и выше, звезды делались крупнее и ярче; далекий, чуть слышный звон оваял уши. Послушник разом, как от толчка, пробудился и сел на своей жесткой постели.

Стояла свежая, темная ночь; монастырские колокола важно звали к полуночнице; по галерее с зажженными факелами в руках, с капюшонами на опущенных головах,

вереницею мертвых попарно шли монахи. Послушник присоединился к ним, но и в храме не мог забыть виденье и успокоиться: такой сон, да еще под пятницу неспроста; он предвещал что-то... но что?

На веере из высоких заалтарных свеч желтели длинные дымные огоньки; у стен, за гранеными колоннами, и под сводами густилась темень; будто люди, проступали раскрашенные статуи святых и Мадонны; они безмолвствовали, но, казалось, знали все...

Заснул послушник только под утро и, когда солнечные лучи добрались, наконец, до лица его, он схватился с постели: час был уже поздний. Послушник наскоро поплескался под висячим кувшином и поспешил в келью отца Антуана: он помогал ему расписывать орнаментами и миниатюрами молитвенники.

Но отца Антуана еще не было: чуть забрезжил свет, — он ушел в лес за травами для красок.

Солнце стояло за полднем, когда послушник, наконец, завидел внизу сгорбленную, маленькую фигурку, взбирающуюся по крутой тропинке с большой зеленой вязкой на спине; он поспешил к воротам, распахнул калитку и напрямик, прыжками, стал сбегать на встречу шедшему; за ним во всю прыть пустился черный пес. Из-под ног их посыпалась земля и мелкие камни.

— Дайте вашу связку, о. Антуан!!.. — воскликнул он, достигнув до монаха.

Старик остановился; солнечные лучи бляхами золотили и опестряли рясу; ростом он не доходил и до половины груди послушника.

— Бери, бери, миленький... благослови тебя Бог!.. — запыхавшись и улыбаясь, проговорил он, передавая ношу. Голос его был ласковый и совсем детский; личико и голова казались запушенными серебристым инеем; сквозь него румянели щеки и голубели глаза.

— Пошел, — Жук, пошел!.. — добавил он, отпихивая собаку, радостно лаявшую и прыгавшую ему на грудь.

— Что же вы меня не разбудили, о. Антуан?.. — укорил послушник. — И я бы с вами отправился.

— Да ты очень сладко спал, Марк!.. — ответил старичок,

— Жалко тебя стало... молодость сна требует!..

— А я нынче что-то чудное видел, о. Антуан! — начал немного погодя названный Марком.

— Ну, ну, что такое?.. Ишь ты, сновидец какой, все сны видишь!..

Послушник на ходу рассказал, что ему пригрезилось.

— Перемене какой-то быть?.. — проговорил о. Антуан.

— Что ангел тебя нес — к дороге это; маленьким ты стал — чуда ждать тебе надобно!

— Чуда?.. Какого?!

Старичок поднял вверх плечи.

— Кто может знать? — отозвался.